

УДК 13+37

**ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЙ «ДУХОВНОСТЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»
В «КОНЦЕПЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И
ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ ГРАЖДАНИНА РОССИИ»**

Миронов К.Г.

Статья посвящена проблемам определения понятий «духовность» и «нравственность» в документе «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России».

Ключевые слова: духовность, нравственность, воспитание, Россия, личность.

**THE PROBLEMATIC CATEGORIES OF "SPIRITUALITY" AND
"MORALITY" IN THE "CONCEPTS OF MORAL AND SPIRITUAL
DEVELOPMENT AND CHARACTER-BUILDING
FOR THE RUSSIAN CITIZEN"**

Mironov K.G.

The article deals with the problems of defining of "spirituality" and "morality" in the "Concepts of Moral and Spiritual Development and Character-Building for the Russian Citizen".

Keywords: spiritual, moral development, character education, Russia, human individuality.

Необходимость введения в среднее школьное образование России предмета, дающего объективные представления о нравственности и морали, кажется, очевидна всем. Но проекты и концепции программ, посвященных морально-нравственному воспитанию, в достаточном количестве из которого можно выбрать лучшее, появились только сейчас.

В различных субъектах Федерации, и разных школах и гимназиях, были приняты свои, авторские программы «духовно нравственного воспитания».

Но государственным стандартом образования была введена «Концепция

духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» следующих авторов: Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. (далее просто «Концепция») [3].

Однако было бы напрасным предполагать, что данная концепция может решить проблему духовно нравственного воспитания. Предлагаемая концепция носит довольно декларативно-лозунговый характер, предлагая цели и идеологические конструкции, но, не предлагая конкретных решений ряда проблем.

Правда, в концепции есть справедливое замечание об эрозии духовно нравственных ценностей в нашем обществе. Но для того что бы преодолеть эрозию морально-нравственных норм, необходимо четко ответить самим на вопрос, «что есть нравственность» и «что есть мораль»? То есть иметь объективное представление о морали и нравственности, а так же представление об источниках иерархий морально-нравственных ценностей. В соответствии с какой философской концепции будет определяться, что является более высокой моральной ценностью, а что нет? Этот вопрос кажется отвлеченным, но, на самом деле, он сегодня крайне актуален.

Достаточно сформулировать наиболее часто встречающийся казус, когда законный представитель государственной власти от имени Родины требует совершения неких действий, сомнительных с точки зрения морали: например, силового разгона протестующих против социальной несправедливости. Тогда неизбежно встает вопрос, а действительно ли за этим приказом стоит благо общества? Или же сотрудник органов государственного управления скрывает под термином «благо общества» или даже «долг перед Родиной», свои корыстные интересы?

И тут все зависит от внутренней нравственной системы ценностей. История показала, что исполнение заведомо преступных приказов самими, казалось бы нравственно устойчивыми людьми, вполне возможно. Косвенное подтверждение этому дает печально известный социо-психологический эксперимент Милгрема. [5]. Это явление, ставит всех работающих с темой

нравственности и морали, в положение «идущих по минному полю», поскольку их теории и разработки со временем будут реализованы в поступках конкретных людей, причем как конструктивных, так и деструктивных, а то и прямо преступных.

В наше время использование категории «нравственное» сопровождается отождествлением его с понятиями «мораль» и «этика» [1]. Естественно, это несколько не так. Со времени Гегеля прошло достаточно много лет, что бы представление о том, что понятия «нравственность», «этика» и «мораль» – разные понятия, успело широко распространиться [5].

Нравственность – это внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле, в отличие от морали, которая, наряду с законом, является внешним требованием к поведению индивида. То есть, мораль буквально является сдерживающим и направляющим фактором для нравственности. Диалектика соотношения нравственности и морали со времени Гегеля практически не изменилась в научном дискурсе.

Авторы концепции имеют свое, авторское видение понятия «нравственность»: «Нравственность в отличие от морали, укоренена не столько в правовых нормах, но, прежде всего, в Отчизне, культуре, религии, народе, семье – во всем том, чему личность вручает себя целиком и свободно» [3, с. 12]. То есть для авторов «Концепции» нравственность – это не внутренняя установка индивида, а всего лишь следование национальным, семейным и религиозным традициям. Строго говоря, с позиции этики национальные, религиозные и семейные традиции – это тоже форма морали. Единственное отличие от права, это отсутствие инструмента принуждения. Но именно в инструменте принуждения и видят авторы Концепции разницу между нравственностью и моралью.

«Сами по себе законы не гарантируют того, что отраженные в них моральные нормы являются также личностными убеждениями человека, принимаются и выполняются им сознательно, добровольно, по совести и нравственному долгу. Если гражданин лишен духовно-нравственных основ

(честности, доброты, искренности, милосердия), уже по той причине, что никто (за исключением, может быть, родителей) его в них не воспитывал, то и законы исполняться не будут» [3, с. 14]. На это хочется возразить тем фактом (и мы его ниже подробно рассмотрим), что право способно принуждать к исполнению своих норм, и потому добиваться исполнения их даже теми, кто не желает их исполнять. Потому раздел между моралью и нравственностью лежит вовсе не в области дихотомии – «добровольного исполнения» и «исполнения под принуждением», но в области деления на «внешнее» и «внутреннее». Внутренние нравственные нормы так же обладают механизмом принуждения, только реализация этого механизма находится на уровне подсознательного в психике человека. Чаще всего этот механизм принято называть «совестью», а его действия, доставляющие неприятные ощущения после совершения нравственного негативного акта (действия или бездействия) – «угрызениями совести». Естественно, что категория совести весьма субъективна.

В европейской науке достаточно много серьезных ученых, таких как Юм. Поппер, Стивенсон, Скиннер и т.д. пишут о невозможности рационального обоснования нравственных норм [6]. То есть это мнение широко распространено так же и в российской науке. Если подходить к этому вопросу более глубоко, то в конечном итоге мы приходим к идее того, что процесс воспитания, по сути, является процессом приобщения к определенной системе нравственных ценностей. Однако этот процесс следует понимать, не как простое информирование на тему «что такое хорошо и что такое плохо», но так же и выработку склонности поступать в соответствии с заявленной системой ценностей.

Но все же встает вопрос в выборе именно самой системы ценностей. И этот вопрос остаётся открытым, и вот по какой причине. Авторы Концепции, предлагают ориентироваться при построении иерархической системы нравственных ценностей на «духовность традиционных религий» России.

Еще недавно, вслед за прочими философами давно почившего модерна, советские педагоги рассматривали религию, как пережиток интеллектуального

прогресса, или его несостоятельную идеологическую надстройку. Постоянно в научной литературе пропагандировалась мысль об отмирании религии в обществе будущего.

Но, в наше время мы видим многочисленные свидетельства ложности данного утверждения. Начиная с 60-х г. XX века, доля религиозности в мире постоянно возрастает, несмотря на то, что сокращается доля именно «традиционных конфессий» (на последнем факте и пытаются еще спекулировать сторонники «отмирания религии»). Отчасти это может быть связано с модернизацией богословия в традиционных конфессиях, но при этом видим, как реальность нашего времени показывает, что силу набирают именно наименее гуманистичные и наименее склонные к модернизации конфессии, как например радикальный ислам.

Дело в том, что сама по себе религия – это изначально некий разрыв с тем, что принято называть «традиционность» [4, с. 126]. Традиция, охраняя религию от посягательств с одной стороны, с другой препятствует её развитию, потому любой шаг в развитии религии (любой) – это результат конфликта «традиции» с «ересью».

Когда же говорится о «традиционных духовных ценностях» в России начала XXI века, то нетрудно заметить, что «традиционализм» тут носит характер постмодернистской игры, получившей начало в преодолении идеологического наследия модерна. Если в эпоху модерна, на первом месте было благо некоего абстрактного человека, или даже некое абстрактное «будущее всего человечества», то сейчас на первые места выходят вещи более конкретные, народ, нация, Бог, традиция. При этом, по сути мало кто берет смелость заявить, что именно его Бог, или традиция должны быть главенствующими.

Это не стало бы источником проблем, если бы Россия была моноэтнической и моноконфессиональной страной, как, например, Скандинавские страны или Польша. Однако в России проживают представители множества конфессий и этнических сообществ, в том числе и те,

которые традиционно враждуют друг с другом, например армяне и азербайджанцы, чеченцы и ингуши, и т.д.

То есть, без четкого дефинирования того, что такое «традиционная духовность» говорить о ней как об основе нравственности невозможно. Также без дефинирования категорий «добра» и «зла» нельзя решить, что является конструктивным, а что деструктивным.

Привычное в позитивизме дефинирование «добра» как несомненного «блага», основано на концепции блага заимствованной из авраамических религий. Для восточных религий (например, буддизма) категория «добра» и «зла» будут совершенно иными.

Абстрактная «традиционная духовность» в реальности просто не существует. Существует множество национальных и религиозных традиций. Очевидно, что у разных культур, народов, этнических групп, имеются разные иерархии ценностей, зачастую достаточно отличные по содержанию. Потому любая попытка вести объективные критерии может стать поводом к догматизму и навязыванию своей системы ценностей, а потому априорно обречена на неудачу.

Тем более, обречена на неудачу попытка сформировать или синтезировать некую «традиционную духовность», устраивающую всех.

В итоге, в данной Концепции мы видим только лозунговую программу, ориентированную на обозначение неких гипотетических приоритетов, но не на построение собственно концепции духовно нравственного воспитания – теоретической модели содержания системы нового предмета. Без конкретных научных дефиниций понятий «духовность» и «нравственность», построение какой-либо концепции духовно нравственного воспитания просто невозможно. Однако такое дефинирование вряд ли возможно в рамках краткого документа.

Список литературы:

1. Апресян Р.Г. Нравственность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. 3.

2. Гусейнов А.А., Иррлицц Г. Краткая история этики. Гл. «Гегель». – М.: Мысль, 1987
3. Концепция духовно нравственного развития и воспитания личности гражданина России». М.: Просвещение, 2011.
4. Макаров Н.О. Религиоведческое наследие Аврелия Августина // Религиоведение. 2006. № 4.
5. Levine Robert V. Milgram's Progress // *American Scientist*. 2004. July-August.
6. Skinner B.F. *Beyond Freedom and Dignity*. New York: Knopf, 1971.

Сведения об авторе:

Миронов Константин Геннадьевич – магистр богословия, старший преподаватель Современной гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Mironov Konstantin Gennadyevich – Master of Theology, Senior Lecturer of Modern Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: regent_uspenie@mail.ru.